

- Старший дядя, - поспешно поклонился наследный принц.

Секретарь Сюй едва заметно махнул рукой, призывая его подняться. Его пронизательный взгляд на мгновение задержался на темных чернильных пятнах, расплывшихся по бумаге, а затем медленно переместился на наследного принца. Глаза старика с возрастом немного помутнели, однако смотрел он необычайно остро, словно видел человека насквозь. Наследный принц на миг почувствовал, будто все его потаенные мысли были прочитаны, и поспешил отвести взгляд, но старик тут же озвучил свои выводы:

- Ваше Высочество, вы потеряли душевное равновесие.

Наследный принц вздрогнул.

- Я... - он запнулся, тщетно пытаясь подобрать слова, чтобы оправдаться.

- В ваших знаниях нет изъянов, однако ваш характер слишком вспыльчив, - секретарь Сюй пристально посмотрел на него. - Первый промах случился на дворцовом банкете, второй - на тренировочном поле. Раньше, когда вы имели дело с первым принцем, вы так себя не вели.

В прошлом наследный принц всегда держался безупречно и достойно. Несмотря на юный возраст, он обладал редким умением сдерживать свои порывы и производить на окружающих именно то впечатление, которое было необходимо. Даже в те моменты, когда первый принц открыто пытался запугать его, он сохранял ледяное хладнокровие.

Но в этих двух последних случаях он оступился, позволив эмоциям взять верх. Секретарь Сюй вновь взглянул на него, и в этом взгляде читалось разочарование:

- У вас на душе беспокойно.

- Я не люблю его, - наследный принц подавил охватившую его панику, - но он мой младший брат.

- Он не станет препятствием для Вашего Высочества, - спокойно ответил секретарь Сюй. - После случившегося клан Нин уже никогда не поднимется.

Секретарь Сюй сделал несколько медленных шагов по комнате и остановился. Он плавным жестом указал на доску, где осталась незаконченная партия в го. Наследный принц сразу заметил критическое, почти безнадежное положение фигур.

- Чёрные сейчас находятся в крайне невыгодном положении. Это в точности повторяет ситуацию клана Шэнь, которая имела место ранее.

Наследный принц слегка занервничал, чувствуя, как внутри нарастает тревога:

- Эту партию уже не переломить.

- Верно, - согласился секретарь Сюй. - Но вы не смогли удержаться и решили добавить себе козырей, поэтому и нанесли удар по Шэнь Юньфэю.

- Старший дядя, я был неправ, - наследный принц больше всего на свете боялся этого человека. Перед ним он чувствовал себя совершенно обнаженным, словно не мог найти ни одного места, где можно было бы спрятаться. - Изначально я лишь хотел, чтобы Шэнь Юньфэй не смог участвовать в отборе из-за травмы лошади. Я и представить не мог, что это приведёт к таким тяжким последствиям.

Секретарь Сюй долго и молча смотрел на него, а затем небрежным, почти случайным движением передвинул одну из фигур на доске. В одно мгновение всё изменилось: чёрные внезапно получили долгожданную передышку, а белые, напротив, оказались в уязвимом и невыгодном положении.

- Если бы вы не вмешались, белые могли бы просто спокойно наблюдать за развитием событий. Но стоило вам сделать этот ход, как вы сами стали частью игры.

Наследный принц мгновенно осознал горький урок, который пытался преподать ему секретарь Сюй.

- Вы ещё слишком молоды, - произнёс старик. - Помните: сердце не должно быть полно зависти, а разум - хаоса, - сказав это, секретарь Сюй слегка махнул рукой, давая понять, что разговор окончен. - Ваше Высочество, закончите сегодня переписывание «Сутры спокойствия».

Как только секретарь Сюй покинул комнату, наследный принц еще долго стоял неподвижно перед доской. Его лицо постепенно утратило всякое выражение и стало холодным, как мрамор. Подавленные мысли, которые он так старательно скрывал, вновь всплыли в памяти, превратившись в отчетливую картину того дня в тёплом павильоне Императорского сада, когда наложницу Нин в грубых захватах уводили прочь. Хаос в душе на мгновение сменился ледяным

ужасом, но он быстро взял себя в руки, с трудом сдерживая дрожь в пальцах, державших кисть.

Взгляд, который наложница Нин бросила на него в последний раз перед тем, как её окончательно уволокли, всё еще стоял у него перед глазами, не давая покоя. Наследный принц заставил себя успокоиться и твердо сказал себе: «Ничего страшного. Кто-то сошёл с ума, но остальные об этом не знают. Секрет можно и нужно скрыть».

В комнате воцарилась тяжелая тишина. Императрица Сюй, стоявшая снаружи, увидела, что наследный принц наконец успокоился и вновь принялся за письмо. Только тогда она почувствовала, как тревога, сжимавшая её сердце, немного улеглась. Она повернулась к секретарю Сюю и тихо позвала:

- Отец.

Секретарь Сюй ответил ей серьезным, лишенным эмоций тоном:

- У наследного принца слишком жестокий нрав, и это необходимо исправлять.

Взгляд императрицы Сюй на мгновение замер, в нем промелькнула тень раздумий:

- Я сама займусь его воспитанием.

- Отец, неужели вы задействовали какой-то скрытый ход против клана Нин? – тихо спросила императрица Сюй.

Секретарь Сюй медленно перевел на дочь свой пронизательный взгляд, в котором читалась легкая, едва уловимая ирония:

- Раньше моя дочь никогда не интересовалась подобными вещами.

Ранее они действительно действовали расчетливо и намеренно спровоцировали громкое дело против министра обрядов, отчасти желая таким образом протолкнуть представителя клана Нин наверх. В последнее время обстановка при дворе была крайне беспокойной, и продвижение чиновника Нин на столь высокую должность позволило бы им более эффективно наблюдать за ситуацией изнутри. Министр обрядов погряз в коррупции и откровенном беззаконии, а чиновник Нин, который все эти годы преданно работал под его началом, вряд ли мог остаться абсолютно чистым.

Однако изначально они не планировали наносить удар по клану Нин так скоро и так открыто.

- Император обратил пристальное внимание на министерство обрядов, - с тревогой заметила императрица Сюй. - Этот ход был скрыт слишком долго, и теперь он может обернуться против нас самих.

Секретарь Сюй спокойно ответил:

- А почему бы не использовать это с пользой? Пусть огонь в министерстве обрядов разгорится еще сильнее, чтобы мы могли окончательно прощупать истинную силу и возможности клана Нин.

Императрица Сюй недовольно нахмурилась, однако предпочла промолчать, не желая вступать в дальнейший спор с отцом.

- У вас слишком мягкий характер, - добавил секретарь Сюй, глядя на дочь. - Не балуйте его, а направляйте.

Лицо императрицы Сюй мгновенно изменилось, в глазах вспыхнула затаенная боль:

- В тот год он едва выжил... Я лишь защищаю его, разве это можно назвать баловством?

- Вы делаете всё за него, но при этом не объясняете причин своих поступков, - строго заметил секретарь Сюй. - Дети в императорской семье взрослеют гораздо раньше сверстников, и он может просто не понять вашей заботы. При дворе сейчас неспокойно, император начал действовать, поэтому вам стоит больше присматривать за делами во внутренних покоях.

Секретарь Сюй развернулся и ушел. Уже уходя, он обернулся и увидел, что императрица Сюй всё ещё стоит за дверью, затаив дыхание и наблюдая за тем, как наследный принц сосредоточенно упражняется в каллиграфии.

Секретарь Сюй тихо, почти неслышно вздохнул.

Дело о яде разбитого красного семени было поистине невероятным и пугающим. Он слышал, что императрица Сюй приказала провести максимально тщательный, буквально по сантиметру, обыск во дворце Бесконечной Радости. В тот злополучный год императрица едва не потеряла наследного принца, и эта трагедия оставила в её душе глубокую, незаживающую рану. Вся её чрезмерная защита ребёнка заключалась в том, чтобы подготовить для него абсолютно идеальный путь - от самых дорогих подарков до бесконечных молитв, возносимых за пределами дворца. Она была готова на всё, лишь бы ребёнок был в полной безопасности, и эта слепая

любовь мешала ей сохранять необходимую объективность в любых вопросах, касающихся наследного принца.

То, что императрица Сюй решила обыскать дворец Бесконечной Радости, было вполне логичным шагом: наложница Нин, у которой в то время случился тяжелый нервный срыв, родила в тот же самый день, что и она.

Когда в те дни императрица едва не потеряла плод, клан Сюй провёл детальное и строгое расследование, допросив всех повитух и лекарей, принимавших роды. В итоге они пришли к выводу, что угроза жизни матери и ребёнка была лишь трагической случайностью, возникшей в процессе родов. Рождение ребёнка для любой женщины – дело крайне непростое и опасное, и пройти через настоящие врата ада в такие моменты случалось нередко.

Тогда дело замяли, клан Сюй прекратил расследование и больше не подозревал клан Нин в злом умысле.

Но теперь, когда внезапно всплыла история с ядом разбитого красного семени и безумием наложницы Нин, императрица, движимая своей безграничной любовью к наследнику, просто не могла оставить это без внимания.

Она всерьёз подозревала, что в тот год кто-то намеренно и хладнокровно пытался лишить её ребёнка.

Если бы той страшной ночью наследный принц не выжил, а здоровье императрицы было бы окончательно подорвано так, что она больше никогда не смогла бы иметь детей... Эта мысль была невыносимой.

- Выяснили что-нибудь насчёт яда разбитого красного семени? Почему у наложницы Нин оказались вещи прежней династии? – спросил секретарь Сюй, обращаясь к своему осведомителю.

Слуга покорно покачал головой:

- Мы не смогли вытянуть ничего полезного из обитателей дворца Бесконечной Радости. Известно лишь одно: все эти вещи подготовила Бичжу, личная служанка наложницы Нин.

- А что сама Бичжу?

- Она ничего не говорит, господин. Она окончательно сошла с ума. Лишь твердит, что это сама наложница Нин приказала ей найти человека, способного купить подобные вещи. Посредником в этой сделке был один евнух, но он скончался прошлой зимой.

- Понятно.

Секретарь Сюй нахмурился, задумчиво глядя на серые дворцовые стены, уходящие вдаль.

Сперва - храм Защиты Государства, затем - беспорядки во дворце.

Секретарь Сюй погрузился в глубокие, тягучие раздумья. На первый взгляд эти события казались разрозненными и никак не связанными между собой, но на деле все они были тесно и причудливо переплетены с судьбой клана Нин.

В душе старика поселилось странное, тревожное предчувствие. Казалось бы, все их цели были достигнуты, а планы реализованы с безупречной точностью, но в глубине сердца всё равно тлело необъяснимое беспокойство. Клан Нин... Он вновь вспомнил ту фигуру, которую видел во дворце Литературного Сияния. Увидев того ребёнка всего один раз, он остро почувствовал, что мальчик что-то скрывает, носит в себе тайну. Он совершенно не был похож на того трусливого и жалкого принца, который, судя по всем приходящим донесениям, лишь глупо и заискивающе просил о милости.

Неужели он допустил ошибку в своих суждениях?

Клан Нин потерпел сокрушительное поражение, лишившись всего, в то время как шестой принц вышел из этой опасной игры совершенно чистым, более того - став истинным любимцем императора. В конечном итоге император снял министра обрядов с должности, чиновник Нин был лишён всякого жалованья и отправлен домой на покаяние, а на освободившееся место министра обрядов был назначен чиновник, спешно вызванный из далекой провинции.

Всего за несколько месяцев в министерстве обороны и министерстве обрядов произошли

настолько серьёзные потрясения, что это привело к ощутимой нестабильности во всем государственном аппарате при дворе.

Однако в то время как в коридорах власти царил тревога и напряжение, в стенах дворца Милосердного Спокойствия господствовал покой. Лекарь Чу ежедневно посещал Ин Фушэна, чтобы проверить его пульс, и каждый раз Ин Фушэн видел на лице врача глубокую, почти осязаемую печаль. Яд разбитого красного семени был наследием прежней династии, и противоядие от него можно было отыскать лишь в редких древних книгах. В прошлой жизни, когда Ин Фушэн был смертельно болен, спасения для него не существовало, но в этой жизни яд обнаружили достаточно рано, и его состояние удалось стабилизировать, поддерживая хрупкое равновесие.

Сам Ин Фушэн относился к своему положению с поразительным спокойствием. Он лучше всех знал возможности своего тела: в прошлой жизни, даже находясь в таком ужасном состоянии, он умудрился дожить до двадцати с лишним лет, так что в ближайшее время смерть ему точно не грозила. И лишь лекарь Чу каждый день тяжело вздыхал, глядя на него; дошло до того, что даже Сунъянь начал всерьез беспокоиться о том, что от постоянного стресса лекарь Чу может совсем облысеть.

В составе охраны дворца Милосердного Спокойствия появились две новые фигуры – охранники, которых Ин Фушэн лично отобрал по прямому приказу императора.

Этих людей отобрали из рядов дворцовой стражи, и они ещё не успели присягнуть новому хозяину. Ин Фушэн намеренно выбрал двоих с довольно непримечательными, незнакомыми лицами. В тот же день жетоны, дающие законное право отдавать им любые приказы, оказались у него в руках. Евнух Жун, передавая их, произнес:

- Отныне они будут в полном распоряжении Вашего Высочества.

Дворцовая стража, воспитанная самой императорской семьёй, обладала немалыми боевыми навыками и отличалась исключительной верностью. Передача жетонов новому хозяину означала, что отныне эти люди будут верны только ему одному, игнорируя любые иные приказы.

Подобная привилегия была исключительной редкостью.

Ин Фушэну они пока были не особенно нужны, поэтому он просто оставил их охранять периметр дворца. Помимо Сунъяня, он совершенно не привык к тому, чтобы кто-либо другой прислуживал ему лично.

- Господин Шэнь прислал кое-что, я положил это здесь, - сообщил Сунъань.

В последнее время Ин Фушэн почти не выходил из дворца и перестал посещать занятия во дворце Литературного Сияния. Шэнь Юньфэй, однако, не сдавался: каждый раз после занятий он просил кого-нибудь передать ему очередные подарки. Сегодня вещей было особенно много, и они скопились в углу комнаты.

- Это прислала госпожа Шэнь, - уточнил Сунъань.

Ин Фушэн мельком взглянул на подарок госпожи Шэнь - это был изящный чехол для ручной грелки. Погода постепенно теплела, но он всё ещё часто пользовался грелкой, а слишком горячий металл мог обжечь кожу рук. На ткани был вышит простой, на первый взгляд, узор: маленькая птица, примостившаяся на ветке дерева. Взгляд Ин Фушэна остановился на тонких ветвях, расходящихся за птицей, и он тихо, едва заметно улыбнулся:

- У госпожи Шэнь поистине искусные руки.

Ветки не перетягивали на себя лишнее внимание, они были выполнены именно так, как нужно.

На самом деле это было зашифрованное послание от Шэнь Чанцуня, переданное через женскую вышивку: расходящиеся в разные стороны ветви символизировали сеть.

Ин Фушэн медленно провёл пальцами по узору:

- Поменяй мне чехол позже.

Сунъань покорно ответил «да» и тут же отправился искать грелку, которой Ин Фушэн обычно пользовался.

Ин Фушэн перевернул страницу книги. В глубокой тишине комнаты ему вдруг послышался едва уловимый звук взмаха крыльев, и его пальцы слегка дрогнули. За окном, на карнизе, было пусто, а из неплотно закрытых окон и дверей доносились приглушенные голоса слуг дворца Милосердного Спокойствия.

Сунъань, видимо, тоже услышал какой-то шум снаружи и, решив, что поднялся резкий ветер, сказал:

- Ваше Высочество, я закрою окно.

Он быстро подошёл к окну, и как только коснулся деревянной рамы, почувствовал внезапный порыв ветра. Ин Фушэн посмотрел в ту сторону и в самом шуме ветра отчетливо различил звук стремительного взмаха птичьих крыльев. Его сердце дрогнуло, и прежде чем он успел осознать происходящее, к его шее прикоснулось нечто ледяное и острое.

- Ваше Высочество, окно... - Сунъань, едва успев задвинуть раму, обернулся и мгновенно застыл, охваченный первобытным ужасом.

Неизвестно откуда в зале появилась темная фигура. Человек в чёрном стоял вплотную к шестому принцу, приставив острое лезвие меча к его бледной шее. Возглас, готовый сорваться с губ Сунъаня, замер в горле, превратившись в сдавленный хрип:

- Ваше Высочество!

Человек в чёрном хранил абсолютное молчание. Он лишь крепко сжимал рукоять меча, не нападая, но и не давая ни единого шанса на движение.

Ночь была глубокой и безмолвной, в спальне больше не было ни души. Ин Фушэн, сохраняя поразительное спокойствие, слегка скосил взгляд на Сунъаня:

- Уходи и не поднимай шума, - тихо, почти шепотом приказал он.

Сунъань с нескрываемой тревогой смотрел на внезапного гостя, до смерти опасаясь за безопасность своего господина:

- Ваше Высочество...

- Уходи, со мной всё хорошо, - Ин Фушэн опустил взгляд, скользнув по холодному металлу меча, прижатому к его коже. - Это старый знакомый.

Услышав эти слова, Сунъань, хотя и пребывал в смятении, был вынужден подчиниться и поспешно покинуть комнату.

Убедившись, что шаги слуги окончательно затихли в коридоре, Ин Фушэн произнёс:

- Молодой генерал, полагаю, меч уже можно убрать.

Ци Ханьчжоу ничуть не удивился тому, что Ин Фушэн мгновенно догадался, кто перед ним.

Он резким, отточенным движением убрал меч в ножны. Оружие вошло в пазы совершенно бесшумно; если бы не само присутствие человека, Ин Фушэн вряд ли почувствовал бы его рядом с собой.

- Это вы распорядились перевести тех двух охранников к дворцу, - заметил Ци Ханьчжоу.

Ин Фушэн позволил себе легкую, почти призрачную улыбку:

- Даже если бы я не отдал такого приказа, с вашими навыками, молодой генерал, они бы всё равно вас не обнаружили.

- Но обнаружили вы, - коротко ответил Ци Ханьчжоу.

После того как Сунъань ушёл, вокруг воцарилась гнетущая тишина. Никто во всем дворце Милосердного Спокойствия не заметил ничего необычного, не почувствовал чужого присутствия.

В зале было тихо, и лишь изредка слышалось сухое потрескивание углей в жаровне. С той роковой дождливой ночи они впервые встретились в подобной, почти интимной обстановке. Острый, пронзительный взгляд Ци Ханьчжоу был намертво прикован к Ин Фушэну. Тот стоял перед ним, и его болезненный, изможденный вид не был притворством - дыхание было слабее, чем у обычного здорового человека, что являлось прямым следствием его врожденного недуга.

Ци Ханьчжоу за всё время пребывания в столице впервые видел подобного человека.

Казалось бы, он был слаб и хрупок, словно фарфоровая кукла, но при этом без малейших колебаний он сумел свести с ума собственную мать и отправить её гнить в холодный дворец.

- Народный рецепт странствующего лекаря, слишком сильный состав, - голос Ци Ханьчжоу звучал холодно и аналитически. - При столкновении с другими лекарствами эффект может стать прямо противоположным, - он слегка прищурился, глядя на принца. - Такой рецепт редко встречается у официальных дворцовых лекарей. Вы специально подобрали благовония для успокоения духа, точно зная, какими средствами она обычно пользуется.

Ин Фушэн медленно повернулся к нему, в его голосе зазвучали нотки наигранного недоумения:

- Я не совсем понимаю, о чём вы, молодой генерал.

- Скрытый отсек во дворце Бесконечной Радости - обычные слуги никогда бы его не нашли, -

Ци Ханьчжоу произнес это и замолк, внимательно следя за реакцией собеседника.

Выражение лица Ин Фушэна оставалось абсолютно неизменным, словно застывшая маска.

- Вы заранее знали, что парчовая гвардия придет с обыском.

От того, что клан Нин внезапно стал любимцем императора, до стремительного и пугающего безумия наложницы Нин... и даже та завуалированная угроза в дождливую ночь в храме Защиты Государства - всё это, до мельчайших деталей, было делом рук этого человека. Ци Ханьчжоу смотрел на него: этот юноша был совершенно беззащитен, у него не было при себе никакого оружия, но даже в такой ситуации в нём не было ни капли страха, даже когда лезвие меча касалось его горла.

- Ху Бую уже сел на корабль первого принца, - продолжил Ци Ханьчжоу. - Стоит ему открыть рот, как вся политическая ситуация в одночасье изменится, и министерство обрядов превратится в общую мишень для всех голодных до власти стервятников.

Он сделал паузу, прежде чем добавить:

- Вы прекрасно знали, что клан Сюй начнёт действовать, поэтому умело использовали их в своих целях, а заодно использовали и меня.

Ци Ханьчжоу опустил взгляд. Юноша перед ним слегка изменился в лице, и когда он снова поднял глаза, прежняя маска кротости и болезни окончательно исчезла. В глубине его зрачков, казалось, пробежала слабая, опасная рябь. В тихом зале, наполненном густым ароматом благовоний, Ин Фушэн слегка улыбнулся, явив миру совершенно иное, истинное лицо:

- Раз уж молодой генерал знает абсолютно всё, почему же вы до сих пор не убили меня?

- Почему? - эхом отозвался Ци Ханьчжоу.